

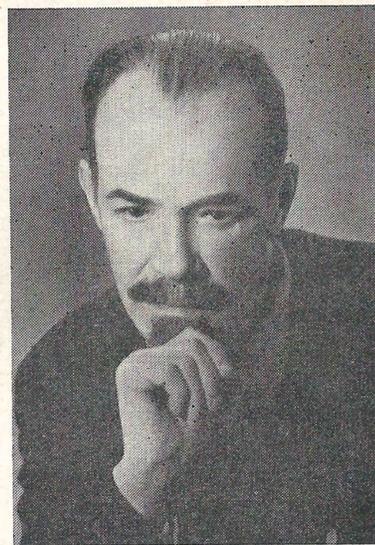
В ИНТЕРЕСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ!
Всероссийская книжная лотерея создана для книголюбов. 90% средств от реализации лотерейных билетов направляются на выигрыши.

- В среднем каждый третий билет выигрывает!
- За истекшие 10 лет по билетам книжной лотереи читатели приобрели свыше 400 миллионов книг—это библиотека миллионов!
- В книжной лотерее нет тиражей выигрышей—выигрыш (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) заранее обозначен в запечатанном билете.

По выигрышному билету читатели могут получить интересные их книги, альбомы, эстампы и другую печатную продукцию, имеющуюся в ассортименте книжных магазинов и киосков.

**ПОПОЛНЯЙТЕ СВОИ БИБЛИОТЕКИ ПРИ ПОМОЩИ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!**

*Дирекция Всероссийской
книжной лотереи*

Сергей БАРУЗДИН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Сергей БАРУЗДИН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1976

Сергей БАРУЗДИН

Сергей Баруздин — прозаик, поэт. Родился в Москве, в 1926 году. Прежде чем стать литератором, был рабочим типографии, журналистом, солдатом. В годы минувшей войны — участник обороны Москвы, штурма Берлина, освобождения Праги. Тема войны отражена в его романе «Повторение пройденного», «Повести о женицнах», а также стихах. Широко известны произведения С. Баруздина для детей и юношества.

В «Библиотеке «Огонек»» выходили книги С. Баруздина «Три маленькие повести» (1961 г.), «Ее зовут Елкой» (1965 г.) и «Идет снег...» (1968 г.).

Сергей Алексеевич Баруздин — член КПСС, главный редактор журнала «Дружба народов», секретарь правления Союза писателей СССР.

ПЧЕЛИНАЯ НАПАСТЬ

Жил я в детстве в деревне на Ярославщине. Всем был доволен: и рекой, и лесом, и полной свободой.

Часто сидел я с ребятами в ночном у костра.

Но было одно «но». Вот об этом «но» я и хочу рассказать.

У хозяина дома, в котором мы жили, было несколько ульев с пчелами. Говорят, пчелы — миролюбивые существа, если их не обижать. И верно: наши пчелы никого не кусали, не трогали. Никого, кроме меня. Стоило мне выйти из избы, как какая-нибудь пчела обязательно меня укусит. А бывали дни, когда меня жалили и по нескольку раз.

— Балуешься ты много, — говорила мать, — вот они тебя и кусают.

— Да вовсе не балуюсь! — оправдывался я. — Совсем их не трогаю.

«Что за напасть такая! — думал я. — Может, они меня перепутали с кем-то? Ведь другие пчелы не жалят меня — в лесу, в поле, — а свои...»

Время шло, и не было дня, чтобы я избежал этой пчелиной напасти. То под глазом у меня шишка, то на щеке, то на затылке, а однажды пчела ужалила в спину, и я совсем измучился: почесать укушенное место и то нельзя — рукой никак не дотянешься.

Хотел я спросить нашего хозяина, почему пчелы меня не любят, но побоялся. «Подумает еще, что я действительно их обижаю. Как я ему докажу, что вовсе их не трогаю? А ведь пчела, говорят, после того, как ужалил, умирает. Значит, немало их по моей вине погибло».

Но вышло так, что я все равно не избежал разговора с хозяином. И хорошо, а то бы все лето мучился.

Как-то вечером сидел я весь искусанный за столом, ужинал. Вошел в комнату хозяин, спрашивает:

— Тебя что, пчелы покусали?

— Покусали, — говорю. — Только вы не подумайте, что я их дразнил. Я к ульям и близко не подхожу...

Хозяин недоверчиво покачал головой.

— Странно, — говорит. — Они у меня смирные...

А сам вижу, ко мне присматривается.

— А ты лук любишь? — спрашивает вдруг он. — Вроде луком от тебя пахнет.

Я обрадовался, что меня не ругают за пчел, и отвечаю:

— Да, очень люблю! Каждый день, наверное, кило зеленого лука съедаю. С солью да с черным хлебом. Знаете, как вкусно!

— Вот, брат, за это они тебя и кусают, — рассмеялся хозяин. — Мои пчелы прямо не переносят запаха лука. Да и вообще пчелы к разным запахам очень привередливы. Есть такие, что одокolon не любят или керосин, а мои — лук. Придется тебе воздержаться от лука.

С того дня я за все лето больше ни одной стрелки лука не съел. Если в супе попадался — все равно выбрасывал. Боялся, что пчелы покусуют.

А они и верно перестали меня жалить. Однажды я даже рядом с ульями стоял, когда соты из них вынимали, и то пчелы не тронули меня!

ДАВИД И КАТЯ

Давид и Катя — пеликаны. Розовые пеликаны. Или баба-птица, как называют пеликана по-научному.

Я познакомился с ними в самолете, когда еще не знал, что они Давид и Катя. Впрочем, никто не знал.

В то время не было «Ту-104» и «Ил-18». Были обычные винтовые самолеты «Ил-14» — наши «дугласики», как мы их называли.

Рейс был трудный. То мы никак не вылетали из Москвы, то начались непредвиденные посадки — в Пензе, а потом и в Ростове. И там и там сидели. Но вот еще одна неожиданная — в Минеральных Водах.

Я не выдержал. Я торопился.

Начальник аэропорта спросил меня:

— На грузовом полетите?

— Полечу, — сказал я.

— Без удобств?

— Как угодно!

И полетел.

Самолет был грузовой. Мешки, тюки, ящики. И ни одного сиденья. Еще две клетки. Большие клетки. В каждой — по бело-розовой птице с огромными желтоватыми клювами.

Пеликаны. Они самые. Не узнать их невозможно!

Уже интересно.

Я прыгал с мешков на ящики и с ящиков на мешки — самолет здорово болтало. Мы были втроем в кабине самолета — два пеликана и я. Три летчика не в счет — они отдельно от нас.

Я наблюдал за пеликанами.

Один из них побольше. Второй поменьше. Клетки стоят рядом. Тот, что поменьше, все время волнуется, пытается просунуть клюв через решетку в сторону соседа. А сосед лежит и не обращает никакого внимания на это.

Или его укачало?

Глаза у него ярко-красные. Не помню, должны быть такие глаза у пеликана или не должны быть...

Появляется один из летчиков. Видит, что я сижу уже возле клеток с пеликанами, спрашивает:

— Интересуетесь?

— А куда вы их везете? — в ответ спрашиваю я. — И почему вот этот, что поменьше, так волнуется?

— В зоопарк какой или еще куда! Нам не докладывают. Наше дело доставить, — сказал летчик. — А насчет волнения — вы правы. Понимаете ли, при посадке в самолет их разделили. Я был против этого. Привезли в одной клетке, а разделили на две. Вот пеликанша и волнуется...

«Как их зовут?» — хотел спросить я, но было уже поздно. Самолет пошел на посадку: летчик ушел в свою кабину.

Я совсем забыл об этом, но недавно оказался впервые в Гагре. Погода была плохая. Даже купаться не хотелось.

— А Давида и Катю не видели? — спросили меня. — Сходите в парк, посмотрите.

В парке, помимо людей, были лебеди и утки, павлины и музыка — пластинки, которые проигрывают так, чтобы все слышали, даже кому не хочется...

Но вот островок. Кругом вода. А на островке — два пеликана. Один побольше. Из-под белых перьев видны розовые, а на груди — почти желтые. На голове — хохолок длинный и чуть взъерошенный. Рядом — пеликан поменьше. Такой же, но без хохолка. Ноги красивые, светло-красные.

А глаза! Удивительно знакомые глаза! Ярко-красные! И у маленького пеликана и у большого. Где-то я их видел?..

Рядом были люди. Из их слов я понял, что большой пеликан — Давид, а маленький — Катя.

Пеликаны вошли в воду. И поплыли горделиво рядом с утками и лебедями, не обращая на них внимания.

Давид плыл впереди. Катя за ним.

Теперь я вспомнил их. Точно вспомнил. Это те пеликаны, которые летели со мной в самолете.

Катя начала нырять на дно маленького пруда. Она захлебывалась в свой огромный клюв что-то и догоняла Давида. Потом опять захлебывалась и опять догоняла.

Давид вел себя слишком гордо. Он даже не замечал, что Катя плывет за ним и призывно просит:

«Крыр-вы! Крыр-вы!..»

Но вот Давид остановился, и Катя догнала его. Ее мешок под клювом был наполнен рыбой.

Давид открыл свой клюв. Спокойно открыл, словно только и ждал этого случая.

Катя осторожно сунула свой клюв в клюв Давида. И долго кормила его.

— Почему Катя кормит Давида? — спросил я потом у женщины, которая опекает птиц в Гагринском парке.

— Так у него зубы болели! — сказала мне женщина. — Ну, не зубы, а это, как у них, пеликанов, тонкие валики. Был в больнице на операции. После того сам не ест. А Катя его кормит...

СТРАННЫЙ ОСЛИК

В Могадишо — это столица африканской страны Сомали — мы попали не в лучшее время года: весна, а в Африке это период ливневых дождей.

Было жарко. Было страшно душно. Было очень влажно. Ливни хлестали один за другим. И еще беда: я забыл взять из Москвы сапожную щетку и гуталин.

А по такой погоде чистить ботинки каждый час просто необходимо. Там — встреча с сомалийцами, вечером опять — встреча. С грязными, забрызганными желтой глинистой водой ботинками на встречу не пойдешь...

У дверей нашей гостиницы всегда крутились чистильщики ботинок. Мальчишки шести — восьми лет. И не только чистильщики. Стоит направиться к выходу из гостиницы, — какой-то мальчуган открывает тебе дверь. Ему надо заплатить за эту услугу. А тут следующий останавливает для тебя такси и открывает дверцы — опять заплати. И еще — и юные нищие, и опять чистильщики..

Вот тут и начинается рассказ.

Я заметил из окна гостиницы ослика. Не такого, как у нас на Кавказе или в Средней Азии. Длинные, тяжелые уши, небольшая грива и тонкий с кисточкой хвост. Не ослик, а почти лошадка. Шерсть рыже-серая, чуть облезлая по бокам. На спи-

не вместо седла два маленьких ящика с какими-то надписями. С одной стороны — английской, с другой — французской.

Я видел, как мальчишки-чистильщики да и остальные их друзья, кто зарабатывает мелочь у гостиницы, гоняли бедного осла, а он, упрямый, не уходил. Отбрыкивался от них, семенил в сторону, словно играя, и вновь возвращался назад.

Иногда кто-то из живущих в гостинице мужчин, выйдя на улицу, приветливо махал ослику и вместе с ним уходил куда-то влево, за угол.

Станный ослик!

Почему он крутится все время у гостиницы? Почему его гоняют мальчишки? И что у него за надписи по бокам: английская и французская? И куда он сопровождает мужчин?

Я вышел из гостиницы. Ослик был тут как тут. Он подбежал ко мне, нагнул голову, посмотрел и, как мне показалось, даже понюхал мои ботинки и куда-то повел меня.

Мы свернули влево и через десять метров я увидел чистильщика. Ослик подвел меня к нему и радостно замахал головой.

А чистильщик, пожилой сомалиец, был очень доволен: он вскочил навстречу мне со щетками в руках, моментально схватил меня за ноги и начал работать. И говорил, говорил, говорил при этом на всех языках, которые он как-то знал...

Я кивал головой: «Что ж, чистить так чистить!»

Ослик тем временем постоял рядом с нами, опять опустил голову к моим ботинкам, уже пахнущим свежим гуталином, и направился назад к гостинице. Сам направился. Хозяин ему ни слова не сказал, а может быть, и сказал, но я не понял.

А чистильщик старался так, что мне даже неловко стало. И говорил что-то очень дружелюбное. Я стоял, меняя ноги, и молчал, но вот «спектакль» закончился, и я протянул чистильщику деньги — две бумажки: сомалийские франки.

— Спасибо! — сказал я по-русски.

Чистильщик взметнулся:

— Рашен! Рус! Нол! Нол!

И не взял деньги.

Признаюсь, я чувствовал себя не очень ловко. Я попрощался с ним и пошел в гостиницу. Не дойдя до поворота, я повстречал знакомого ослика, который вел за собой какого-то важного господина в грязных ботинках. Мальчишки-чистильщики возле гостиницы негодовали.

Наутро ослик опять был возле гостиницы.

Но что это? Рядом с двумя маленькими ящиками у ослика и слева и справа были два куска белой материи, на которых русскими буквами написано:

«Рашен — хорошье!»

«Хорошо», значит. А «рашен» — это «русский». Тоже — хорошо!

Ослик встретил меня, как старого знакомого. Только я вышел из гостиницы, подбежал ко мне, наклонил голову и обнял ботинки. Ботинки были чистые, блестящие, еще со вчерашнего дня. Ослик лизнул меня в руку и пошел в сторону: искать новых клиентов для своего хозяина. Ведь они оба работают: хозяин — работник и ослик — реклама...

Жаль только, что не узнал я тогда имени этого ослика.

ЖЕЛТОПУЗИК

В Туркмении, в каракумских песках, мы остановились в колхозе. Приехали поздно, но нас ждали. Где-то глубокой ночью мы расстались с друзьями, и меня повели спать — в маленький домик, в саду, милый и спокойный.

Там я и устроился. Время было позднее, и я сразу уснул. То ли во сне мне приснилось, то ли наяву я услышал страшную возню в комнате — и писк и крик какой-то с придыханием. Показалось — змея!

Я зажег свет, закурил и ничего не увидел. Никого. И звуки все стихли.

«Может, приснилось? — подумал я. — Я немного знаю змей. Когда-то ужи у меня водились. Давно, в детстве. Да и потом видел — разных»

Все было тихо. И я опять попытался уснуть, выключив свет. Но только выключил — на полу началась возня. Сначала под моей кроватью. Потом шуршание, опять писк и крик с придыханием.

Я включил свет.

На полу — непонятное. Лежали две змеи. Одна тонкая, длинная, плоская, с темными зигзагами на чешуе. Голова ее, маленькая, но шире, чем тело, лежала отдельно. Гадюка! А рядом с ней победоносно лежал желтопузик. Как длинная, вытянутая шина. Сверху серо-черный, а по брюху желтый. Желтопузик!

Он лежал, как победитель, и смогрел на меня круглыми, очень круглыми глазами. Извивался, и хвост его дрыгал. Как у собак, в удовольствии.

Я позвал его, помазнил, но он не пополз ко мне, а сильнее вцепился в голову гадюки и, извиваясь, поволок ее куда-то, видимо, на улицу, поскольку дверь я не закрывал. Потом вернулся, вновь бросил на меня взгляд круглых глаз и схватил остальное: потащил туловище гадюки.

Время шло к рассвету. И уже гудели Каракумы голосами птиц и насекомых — все пело, жужжало и ожидало нового дня.

Конечно, я не уснул, хотя и старался. Лежал и думал, как утром расскажу своим новым друзьям про ночное приключение. И добавлю, между прочим, что если бы не этот желтопузик, то гадюка могла...

Настало утро.

— Как спали? — спросили друзья.

— Отлично спал! — ответил я. И на всякий случай посмотрел на пол. Следов гадюки не было. Но не было и желтопузика. А жаль!

ТОПКИН ПОРТРЕТ

Как-то на одной выставке я увидел любопытную скульптуру. Это была голова собаки, вырезанная из дерева, — очень забавная и совсем как живая. Большие, висячие уши, морда, покрытая густой шерстью, маленькие, чуть с хитринкой глаза, кончик языка, смешно вывалившийся из полуоткрытой пасти.

Под этой скульптурой я прочел название: «Топка».

Я с интересом рассматривал голову собаки и вдруг заметил, что морда ее кем-то покусана. На дереве были следы зубов, а конец уха, видимо, подклеен.

«Занятно! — подумал я. — Кто же мог покусать деревянную собаку?»

Может быть, я и не вспомнил бы об этом, если бы не случайная встреча.

Шел я недавно по улице и встретил человека с собакой, которая показалась мне знакомой.

— Простите, это же у вас Топка? — спросил я.

— Топка, Топка, — ответил незнакомец. — Наверное, вы портрет ее видели на выставке?

И верно, Топка была очень похожа на свое деревянное изображение. Даже то, что у нее были короткие ноги и лохматый, маленький хвост, меня не удивило. Именно такой я и представлял себе Топку.

Я сказал об этом хозяину Топки и, видимо, обрадовал его.

— Мне это приятно слышать. Кажется, работа удалась, — сказал он и тут же весело добавил: — А вот Топка по-своему мои труды оценила...

— То есть как по-своему? — не понял я.

— Да вот как. Когда я сделал скульптуру, отошел в сторону, чтобы на нее взглянуть. А Топка, негодница, цап в зубы свой же портрет и давай с ним по всей мастерской гоняться.

Рычит, лает, никак отдавать не хочет. Весь искусала, конец левого уха оторвала. Пришлось потом все подправлять, подклеивать...

Пока мы разговаривали, Топка смотрела на нас одним прищуренным глазом. Вид у нее был довольно смущенный, словно она хотела сказать: «Очень глупо вышло — сама себя покусала».

КТО КАК РАДИО СЛУШАЕТ

Весной попал я на Камчатку — в дальний Корякский округ, в село Ачай-Ваям. Весна и тут чувствовалась, но снега лежали на три, если не больше, метра, а то и пурга вадувала.

Тут совхоз, тут разводят оленей. Но олени пасутся, конечно, не в самом селе, а за сотню километров — в тундре.

Мы полетели туда на вертолете «Ми-4», в верховья реки Апуки. Там я и остался.

— Правильно, — сказал мне бригадир Василий Иванович Кияв, когда улетел вертолет. — Однако, у нас поживешь. Посмотришь, что и как. А моя юрта — твоя юрта.

Я бросил вещи в юрте.

— Ну вот и хорошо, — сказал мне Василий Иванович. — Однако, не пожалеешь!

Он вышел со мной из юрты, захватив вместе с хлыстом «Спидолу» — радиоприемник.

Я не успел удивиться, как из соседней юрты вышел его друг Николай Егорович Илькани — тоже со «Спидолой».

Здесь я спросил:

— И вы с радиоприемником?

— А как же без последних известий? Никак, однако, нельзя, — сказал Николай Егорович Илькани. — Надо знать, что и где происходит. Мы, коряки, очень любим радио. А когда в Петропавловск прилетаем, то и телевизор. Интересно!

У коряков фамилии свои — коряцкие, а имена русские: вот и Василий Иванович и Николай Егорович. Раньше коряков звали только по фамилии. Имен у них вообще не было.

Сейчас коряки гордятся, что их называют по имени-отчеству.

Мы вышли из юрт, и олени, оказывается, уже ждали нас.

Сотни, а может быть, тысячи оленей. Одни с рогами — ветвистыми и очень красивыми, другие — с подобием маленьких рогов.

Олени внимательно и чутко смотрели на нас.

Мне показалось, что глаза у них были влажные и чуть грустные. Но сколько глаз я мог увидеть! У двух-трех оленей, а их было море. И море это задвигалось, зашевелилось, увидев своих хозяев.

— Х-х-хы! — взвизгнул Василий Иванович и взметнул своим хлыстом.

— Э-о-а! Х-х! — повторил Николай Егорович.

Олени рвались в тундру и только ждали сигнала.

Мы пошли с оленеводами вслед за стадом. Два оленевода работали, а я, увы, брел за ними. Никакой власти над оленями у меня не было.

Потом мы не раз садились отдыхать. Олени копытами, рогами и просто мордой разгребали снег. Его было много, и олени порой закапывались в снег до ушей, чтобы добыть мох.

Мы шли с Василием Ивановичем и Николаем Егоровичем вслед за оленями.

Наконец Василий Иванович сказал:

— Однако, и нам поесть надо.

— А как же олени? — спросил я. — Не уйдут?

Бригадир хитро улыбнулся и включил свой приемник «Спидола» на полную мощность.

— Смотрите, однако. Теперь не уйдут!

Мы сидели, подстелив олени шкуры, на каком-то снежном бугорке. Рядом — кусты непонятной растительности, а дальше сопки, а где-то олени, которых даже не видно...

Николай Егорович тоже включил свою «Спидолу» на полную мощность.

Такой музыки я еще не слышал. Два радиоприемника гремят.

— Олешки сейчас придут, — сказал Василий Иванович.

— Обязательно придут, — добавил Николай Егорович. И еще сказал: — Да вы, однако, смотрите...

Со всех сторон к нам двигались олени. И с рогами, и без рогов. И совсем молодые. Теперь я уже понимал, что олень с большим деревом красивых рогов над головой — это самец, олень с малым кустом — самка. Ну, а детей отличить было несложно: ростом поменьше и рога короче...

Олени шли на нас и смотрели удивленными, ласковыми глазами.

— Однако, радио ох как любят, — сказал Василий Иванович.

— Неужто именно радио? — спросил я, Николай Егорович сказал:

— Они музыку, однако, любят, а слова не очень. Когда слова свои, слышанные от людей, которых они знают, — одно. Когда по радио — никак не принимают...

Мы сидели на оленьих шкурах на снегу. Обед так обед. В тундре гремела музыка — два радиоприемника. Олени стояли рядом и подходили к нам, и губами, большими, теплыми губами облизывали наши руки. Но главное — смотрели на два маленьких серо-черных ящика, из которых лилась музыка.

— Николай, — сказал Василий Иванович своему другу, — ты, однако, свою «Спидолу» выключи. А то две музыки сразу...

Илькани выключил свой приемник. Кияв прибавил громкости в своем.

Олени еще ближе подошли к нам и стали лизаться, как ласковые кошки.

— Однако, правильно, Николай, — сказал Кияв, — я тебе говорил.

Мы обедали. Ели сырую оленину и рыбу. Пили чай.

— Пурга начинается, согреться надо, — говорил Василий Иванович.

Теперь уже один радиоприемник передавал музыку.

— Я свой спрячу пока, — сказал Илькани. И положил большую «Спидолу» в вещевой мешок.

А олени бродили возле нас, слушая радио. Олени с большими рогами — целыми деревьями над головой — и с малыми. Глаза у них были влажные, грустные. Мне так казалось, когда по радио звучала музыка Чайковского.

— Они любят радио? — спросил я Василия Ивановича.

— Любят музыку мои олешки, — сказал Кияв. — Такую, как сейчас. Хорошая музыка! Однако, смотрите...

Он переключил свою «Спидолу» на другую программу. Кто-то что-то говорил по этой программе.

Олени вроде бы удивились. Посмотрели на нас. Глаза были все те же — большие, влажные и чуть грустные.

Посмотрели и постепенно стали отходить от нас.

В тундру побрели — по своим делам. Мох искать...

БЛАГОРОДНЫЕ ЯКИ

Было это в декабре в Монголии. В декабре в Монголии ясно и очень холодно. Небо голубое, без единого облачка, а мороз за тридцать — только без ветра.

Мы возвращались из далекого путешествия.

Нас трое — шофер, старенькая «Волга» и я.

Друзья задержали нас. Стало уже темнеть. Звезды выступили на посиневшем небе. Мы торопились. До селения — районного центра — добрых двести километров.

Дорога хорошая. По припудренному снежком песку, прихваченная морозом, она не хуже асфальта. Песок, снежок и сопки. То подъем, то спуск. То опять подъем и опять спуск.

Пятьдесят, сто, сто пятьдесят километров, прыгая и трясясь, проехали благополучно.

Но вот машина встала, и мотор ее заглох.

Кругом степь, сопки и звездное небо над головой. Месяц в стороне.

Шофер сбросил меховые рукавицы и открыл дверцу.

Лютый морозный воздух обдал нас.

— Сейчас посмотрю... Заело что-то...

Монголы хорошо говорят по-русски.

Он открыл капот машины и долго возился в моторе, и дул на руки, и вновь возился.

Я вышел из машины.

Шофер почти окостеневшими от мороза руками продолжал копаться в моторе, наконец сказал:

— Пошли назад, погреемся! Холодно!

Мы нырнули в кабину, совсем уже остывшую, и тихо дрожали.

— А до селения далеко? — спросил я.

— Не очень, — сказал шофер. — Пятьдесят или чуть больше километров, а если по сопкам, то покорооче можно... Тридцать будет. Сейчас согрею руки, опять попробую. Заведется!

И он пробовал. И не раз. Согривался. Снова пробовал.

Неожиданно впереди засветили фары. Машина! Явно машина!

Машина — а это был грузовик, я уже заметил, — шла по соседней, проторенной по степи и сопкам дороге.

Наш шофер бросился куда-то вниз, под откос, и, скатившись по снежному склону сопки, остановил грузовик. Они — два шофера — о чем-то говорили. Потом шофер грузовика, не выключая мотора, направился вместе с нашим шофером к нашей старенькой «Волге». Путь был тяжел — подняться на сопку, по которой идет наша дорога.

Они подошли. Шофер грузовика поковырялся в моторе. О чем-то поговорил с нашим шофером. И ушел...

Спускался вниз — с сопки, к своей машине — он уже спокойнее, чем поднимался вверх.

Наш шофер проводил его.

Вернулся и сказал:

— На большой машине ездит, а хорошим людям помогать не хочет...

В старенькой, почти первого выпуска «Волге» мы замерзали.

Все отлично было вокруг нас. И небо со всеми известными и неизвестными звездами, и месяц, который ярко светил где-то в стороне от нас, страшно равнодушный.

А что же мы?

Еще час прошел и второй, кажется.

Но вот на дороге появились в свете фар нашей неуправляемой машины два странных существа — огромные, черные, горбатые, с рогами, как у серьезного быка, с шерстью, висящей от хвоста до головы и спускающейся на землю.

Ночью в свете фар трудно было понять, что к чему, но важно было, что кто-то появился на нашей дороге.

А были яки. Два быка и хозяин с ними. Значит, мы уже не одни.

Шофер о чем-то говорил с хозяином.

Затем все было как в сказке.

Двух заиндевелых, черных яков с белыми пятнами на лбах прикрепили веревками к нашей машине. Хозяин яков, тоже заиндевелый, что-то сказав нам, повел их в обратную сторону. Повел вместе с «Волгой». А огромные, черные, лохматые яки весьма бодро тащили нашу старенькую «Волгу».

Все равно было холодно. И, может, холоднее, чем было раньше. Ноги сводило от мороза. Руки коченели.

Но впереди спокойно шли два горбатых яка и их хозяин. В свете фар — покрытые инеем.

Через час или чуть раньше хозяин яков сел к нам в машину:

— Согреюсь чуть... А они дорогу знают!

В третьем часу ночи мы вернулись в районный центр.

Старенькую «Волгу» бросили у гостиницы. Хозяина яков устроили вместе с нами на ночлег.

— А мне утром даже лучше идти в аймак, — сказал он.

— А как же ваши яки?

— Они холод любят, а поесть им надо дать, — сказал хозяин яков. — Я ведь член кооператива, по-вашему, колхозник. Веду к себе домой этих яков...

Мы кормили яков, которые стояли у гостиницы, всем, что могли раздобыть. Сеном и хлебом, а я даже сахаром.

Яки принимали все. Только тут я заметил, что в ноздри их вставлены большие металлические кольца.

Яки лизали мне пальцы и в лицо тыкали своими мордами — пытались лизать.

А кажется, Брем говорил, что яки суровые и маловоспитанные животные.

— Они добряки, если с ними по-доброму, — сказал мне хозяин яков.

Мы спали с ним в одной комнате.

— Тепло, хорошо, — сказал мне мой сосед по комнате.
Я вспомнил шофера грузовика.

И вспомнил благородных яков. И их хозяина.
Хорошо вспомнить о добром.

ПРОСТУЖЕННЫЙ ЕЖИК

Было это поздней осенью в последний год войны. Шли бои на польской земле.

Однажды ночью мы расположились в лесу. Разожгли костер, согрели чай. Все улеглись спать, а я остался дежурить. Через два часа меня должен был сменить на посту другой солдат.

Сидел я с автоматом у догоравшего костра, на угольки по-смастривал, к шорохам лесным прислушивался. Ветер шелестит сухой листвой да в голых ветвях посвистывает.

Вдруг слышу шорох. Будто кто-то по земле ползет. Я встал. Автомат наготове держу. Слушаю — шорох смолк. Опять сел. Снова шуршит. Где-то совсем рядом со мной.

Что за оказия!

Глянул я под ноги. Вижу — кучка сухой листвы, да будто живая: сама собой движется. А внутри, в листьях, что-то фыркает, чихает. Здорово чихает! Присмотрелся получше: ежик. Мордочка с маленькими черными глазками, уши торчком, на грязно-желтых иглах листья наколоты. Подтащил листья ежик поближе к теплomu местечку, где костер был, поводит носом по земле, чихнул несколько раз. Видно, простудился от холода.

Тут время сменяться мне. Заступил на пост солдат — казах Ахметвалиев. Увидел он ежа, услышал, как тот чихает, и ну меня ругать:

— Ай, нехорошо! Ай, нехорошо! Сидишь и смотришь спокойно. А у него, может, грипп или воспаление. Смотри, весь дрожит. И температура, наверное, очень большая. В машину его надо взять, лечить его надо, а потом на волю выпускать...

Так мы и сделали. Положили ежика вместе с охалкой листьев в наш походный «газик». Ахметвалиев на следующий день теплого молока где-то раздобыл. Ежик напился молока, согрелся и опять уснул. За всю дорогу несколько раз чихнул и перестал — поправился. Так всю зиму у нас в машине и прожил!

А когда весна настала, мы его на волю выпустили. На све-

жую травку. И какой денек тогда выдался! Яркий, солнечный! Настоящий весенний день!

Только было это уже в Чехословакии. Ведь и весну и Победу мы там встречали.

КОЗЕЛ-РЕГУЛИРОВЩИК

В Катмандú — столице Непала, маленькой страны в горах Гималаях, — очень узкие улицы. А движение большое. И машин много.

Поэтому там лучше всего ходить пешком.

В первый же день, когда мы прилетели в Катманду, я отправился гулять по городу.

Маленькие шумные улицы вели в центр. Я пошел туда. Площадь. Слева — огромное пустое зеленое поле, справа — королевский дворец, а впереди — скопище машин, осликов, буйволов, яков, велосипедистов, людей с тележками.

Под красивым зонтиком, похожим на гриб, на возвышении полицейский в белых перчатках. Регулировщик. Он, как артист, дирижирует потоком транспорта: машины, ослики, буйволы, яки, велосипедисты, люди с тележками бегут сами по себе, а полицейский размахивает руками, то поворачиваясь вправо, то влево. и вид у него очень серьезный.

А рядом с ним стоит огромный бело-грязный козел. Крутые загнутые рога. Длинная висячая борода, как у облезлого деда-мороза.

Стоит и внимательно смотрит на улицу — как по ней идет движение.

Я тоже остановился.

Стою смотрю: любопытно.

Но вот регулировщик посмотрел на часы, снял белые перчатки и спустился на землю.

Козел посмотрел на регулировщика. Полицейский потрепал козла по спине и ушел.

Козел поднялся на его место и замер.

Вид у него был важный и безразличный.

По главной улице так же, как и прежде, катили машины, бежали ослики с седоками, тянулись телеги, запряженные буйволами и яками, торопились велосипедисты и пешеходы...

Козел спокойно стоял на возвышении регулировщика и смотрел на улицу.

Десять дней был я в Катманду. И каждый день видел козла и регулировщика, а то и одного козла на посту полицейского. Он вполне заменял его.

Потом мне объяснили:

— О, это необыкновенный козел! Он символ нашего города! Он стоит на этом месте много лет, и неизвестно еще, с кем больше считаются люди — с ним или с полицейским.»,

ПУГАЧИ

У нас в Переделкине завелись мыши. И не какие-нибудь обычные — домашние, а полевые. Погода испортилась окончательно, и мыши стали лезть во все щели и даже по крыше через дымоход печки — в комнаты.

Мыши полевые оказались более хитрыми, чем домашние. Они не приходили в дом до полуночи. Тут и свет, и телевизор, и разговоры — все им мешало. И собака, конечно. Но стоило нам лечь спать, как они появлялись. Тем более, что пес наш спит по ночам как убитый!

Мы гоняли мышей, как могли.

Терпели.

Август подходил к концу.

А мыши бесчинствовали.

«Ничего, мы через несколько дней уедем в Москву, — думал я. — Посмотрим, как вы без нас заживете в холодном доме!»

Раз ночью меня разбудили непонятные звуки. Не мыши, не их возня, а что-то за окнами и совершенно непредвиденное. Спросонок особенно.

Кто-то выл, бесновался и плакал за окнами:

«Ху-х-ху, ку-в-ви-т-т, рай, ху-ху, ку-в-ви-т-т!..»

И опять:

«Ку-в-ви-т-т рай!»

И это ужасное: «Ху-ху-ху!»

Посмотрел в окна — ничего не видно.

Услышал потрескивание сучьев деревьев.

Что делать?

Я вышел на улицу.

Увидел на первой же сосне, низко, почти над землей, огромную птицу. И она заметила меня: странно покрутила, как грушечной, головой и блеснула огромными навывкате глазами.

В лунном свете мне даже показалось, что глаза у нее светят, как желтые фары у машины. Но она испугалась и рвану-

лась куда-то вниз на землю. И я не знал, что она там делает, но рядом — на этой сосне и соседней ели — я заметил еще восемь фар и четыре могучих головы с заметно торчащими даже ночью ушами.

Совы! Откуда у нас тут совы? Или они перелетают куда-то на юг? В Подмосковье сов, по моему, давно не было.

Было холодно и дождливо. Я стоял, сколько мог, и заметил, как «моя» сова вернулась на ту же ветку с мышью в когтях. За ней и другие по очереди ныряли вниз на землю и возвращались на свои места с добычей.

Меня совы совершенно не боялись. Или они были заняты делом...

Я вернулся домой около трех.

За окнами опять начался душераздирающий крик:

«Ху-х-ху! Рой! Р-р-рай! Ку-в-ви-т-ті Ху-ху...»

Как наступил рассвет, все стихло.

Утром собака безудержно рвалась на волю.

— Выпусти его, — попросил я сына.

Они вышли. Потом вернулись.

— Пап, а что было ночью? И почему наша псина лезла на все деревья? — спросил меня сын.

— Ночью совы прилетали. Может, поэтому, — ответил я.

— Как совы?

— Так совы. Летели куда-то в южные края. У нас остановились...

Год прошел с той ночи, и два года, и вот скоро уже три, а ни одной мыши у нас в Переделкине не водится.

Что случилось, не знаю, но, может, и совы помогли.

Сын сказал мне на днях:

— А если это были не совы, а филины-пугачи? Вот они и испугали всех мышей! Я читал про них. Они здорово пугают своим криком! Специально читал после того. Жаль, конечно, что ты не разбудил меня в ту ночь.

Я и сам жалею сейчас, что не разбудил Алешку в ту ночь.

ДИКИЕ СЛОНЫ

В Уганде есть гостиница «Пара Лодж». Она стоит прямо на берегу Нила. Река с ее бегемотами и крокодилами — внизу. Гостиница — дома в два этажа — чуть выше. Нил, конечно, не голубой, как о нем кто-то сказал, а серый, скорее, мутный.

Мы приехали в гостиницу поздно. Мой товарищ Витя выбрал номер в гостинице. Он знает язык. Я, кроме русского, — никакого.

Витя долго о чем-то говорил и без конца спрашивал меня:

— А может, не стоит первый этаж? А?

— Какое это имеет значение!

— Но тут никто не берет первый этаж,— повторял мне

Витя.

— Мы же с вами советские люди,— шутя, отвечал я ему. — Не бойтесь!

— Ну, тогда смотрите сами и не ругайте меня,— сказал

Витя.

И мы заняли отличную комнату на первом этаже с видом на Нил. Я настежь открыл двери, и мы сразу легли спать.

— Но учтите, что там есть объявление. Вот вы двери открыли, а там объявление!

— Какое? — спросонья спросил я.

— Я могу вам перевести: «Предупреждаем посетителей, что слоны, которые бродят вокруг гостиницы,— дикие и к ним не следует приближаться». Я, конечно, знаю, что вы любите слонов, но первый этаж и открытая дверь...

— Витя, спать! — сказал я, засыпая.

Ночью, я слышал, кто-то хрюкал и чавкал. Сильно хрюкал и сильно чавкал. Мне не хотелось просыпаться, но, когда стекла задребезжали, меня разбудил вскочивший с постели Витя.

— Я же вам говорил...

Что-то тяжело прошумело и протопало под нашими окнами.

Мы, кто в чем был, осторожно выглянули за дверь на улицу. Тихо. Звезды светят, как у нас на Кавказе. И галдят цикады, как у нас, но только громче. Кажется, вся земля дрожит от них. И вдруг страшный крик. Один — женский, потом — мужской, а потом...

— Что они кричат, Витя? — спросил я моего друга.

— Не знаю,— сказал Витя.

— Но они кричат по-английски,— сказал я. — А если надо помочь?..

— Кажется, они кричат: бегемот,— сказал Витя. — Пошли! И мы побежали на крик.

Шума цикад уже не было слышно. Вокруг шумели и галдели люди.

— Что они говорят? — спросил я Витю.

Аккуратный Витя сказал:

— Сейчас я переведу. Они говорят, что кто-то хрюкал и чавкал под их окнами и что кто-то беспокоил их стекла, которые сильно дребезжали, и еще тяжело топал, и опять хрюкал и дышал...

— Слон? — спросил я Витю.

— Нет, судя по признакам, не слон...

Мы вернулись и опять легли спать.

Было жарко даже в преддверии утра. И по-прежнему ярко светили звезды, и еще голосистей шумели цикады.

Стало рассветать. Какие-то огромные птицы — красивые, но с облезлыми шеями — появились перед окнами. Посидели на деревьях, взлетели и приземлились совсем рядом. Кажется, грифы. Было уже совсем светло, и цикады замолкли, но их заменили голоса другие: сотни птичьих невидимых голосов.

Витя спокойно спал.

Я сначала лежал, потом встал и вышел из комнаты.

Вышел и увидел мирно бредущих двух слонов. С огромными повисшими ушами. Явно мать и слоненок.

Заметив меня, они направились в мою сторону.

Я — в комнату. Слониха и слоненок подошли вплотную к нашей двери и миролюбиво протянули хоботы: слониха — большой, слоненок — маленький.

Слоненок издал просящий звук:

«Н-х-хы!»

На столе у нас были бананы и яблоки.

Я передал все слоненку и слонихе.

Взяли аккуратно и по-доброму. Просили еще.

— Больше ничего нет,— сказал я слонихе, как старшей.—

Поверь, ничего!

Слониха вынула хобот из нашей комнаты и увела слоненка. И пошла вместе с сыном вдоль гостиницы.

Витя спал. Я так и не уснул.

Когда он проснулся, увидел открытую дверь, спросил:

— Ну что?

— Ничего,— сказал я.— Просто слоны приходили. Слониха и слоненок. Я от вашего и своего имени отдал им все наши фрукты.

— Вы точно знаете, что слоны? — спросил Витя.— Ведь ночью ходил бегемот..

— Ну, ваш бегемот — дикий, а слоны — образованные. Их, по-моему, даже просто приручили..

— А объявление? — продолжал удивляться Витя.— По части диких слонов, к которым не следует приближаться?

— Ну, что объявление!

Мало ли что придумает владелец гостиницы!

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Многие годы совхозное стадо паслось на большом лугу у речушки Каменки. Места здесь были тихие, раздольные, с невысокими, но сочными травами. Правда, Каменка от лета к лету

мельчала, да и луг к середине июля покрывался бестравными, сухими лысынами, и все же пока и кормов и воды для скота хватало.

Но вот позапрошлым летом на берега Каменки пришли рабочие. Затрещали тракторы, бульдозеры, автомашины, зашумели экскаваторы и отбойные молотки. На реке стали строить плотину и электростанцию, а чуть дальше, у леса, — прокладывать шоссейную дорогу. Коровы по-прежнему паслись на лугу и не то с любопытством, не то с беспокойством прислушивались к непривычному шуму. Но прошел месяц, другой, и коровы уже не обращали внимания на рев моторов. Привыкли.

Вечером, перед заходом солнца, работы не строительстве прекращались. Как только стихал шум моторов, коровы уже знали: пора отправляться домой. Стадо само брело в деревню. Пастуху ничего не оставалось делать, как отрываться от книжки и шагать за своими подопечными. Так было каждый вечер два лета подряд, пока шло строительство.

Но вот работы закончились. Была готова плотина и электростанция, проложен участок новой дороги. Солнце еще было высоко в небе, когда заглохли моторы тракторов и машин, перестали шуметь отбойные молотки и вспыхивать огоньки электросварки. Перевалив за бугор, последний тягач увез по новому шоссе походный вагончик строителей.

И вдруг пастух заметил, что коровы в стаде забеспокоились. Они перестали щипать траву, повернулись в сторону реки и прислушивались к наступившей тишине. Наконец, словно поразмыслив о чем-то, они медленно двинулись в сторону деревни.

— Куда пошли? Давай назад! — кричал ничего не понимавший пастух, стараясь повернуть стадо.

Коровы на минуту останавливались, смотрели на пастуха внимательными, задумчивыми глазами и вновь шли по дороге в деревню.

Как ни бился пастух, а остановить стадо так и не смог. Только когда коровы подходили уже к скотному двору, он понял, в чем дело.

С трудом привыкали коровы к шуму, а теперь придется их к тишине приучать. Видно, и у коров есть сила привычки!

НЕОБЫЧНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

По дороге в деревню Озерки мы нагнали бричку. Но, к нашему удивлению, седока в ней не оказалось.

Мы вылезли из машины. Я остановил лошадь. Она беспрестанно послушалась, стала на дороге. Мы заглянули в бричку

ку. К сиденью был привязан мешок. В нем лежали газеты и письма.

— Странно! — сказал мой приятель. — Бричка почтовая, а где почтальон?

— В том-то и дело!

Пока мы рассуждали, лошадь стояла. Но вот она увидела, что мы возвращаемся к машине, и двинулась в путь.

— Поедем потихоньку за ней и посмотрим, — предложил мой приятель.

До Озерков было еще километра два. Мы продолжали медленно двигаться вслед за бричкой. Лошадь спокойно трусила по дороге, лишь изредка замедляя шаг и оглядываясь в нашу сторону.

Наконец мы въехали в село. Лошадь свернула с дороги и остановилась возле крайней избы. Мы тоже остановились. В это время из калитки вышел старик, привязал лошадь к столбу и стал снимать мешок.

Заметив нас, он спросил:

— Любопытствуете?

— Да не просто любопытствуем, — сказал я, — удивляемся. Может, случилось что с почтальоном?

— А чему ж тут случаться? — хитро засмеялся старик. — Вот она и есть наша почтальонша — Марья Иванна, а попросту Машка! — И он похлопал лошадь. — Дорога у нас до почты близкая, ей известная. А там ее уже все знают. Вот она и бежит туда-сюда.

Мы весело переглянулись.

— А всурьез-то говорить, прямо беда с этими почтарскими делами, — пожаловался старик. — Молодые не идут нонче в почтальоны, и верно делают. Что за работа: три версты туда да три обратно. Я на пенсию вышел, вот по старой привычке и несу почтарские обязанности. Вроде бы как по общественной линии! Да и Марья Иванна помогает. Недостаток у нее, верно, есть один — неграмотная! Расписываться не может. Когда там посылки есть или переводы на деньги, мне самому приходится. А так справляется! Ладно работает!

ЛОСЬ В ТЕАТРЕ

В старом уральском городе построили новое здание театра. С нетерпением ждали горожане его открытия. Наконец этот день настал. Спектакль должен был начаться в семь тридцать.

Не было еще и семи часов, а люди уже стали подходить к театру. Здесь перед театром совсем недавно разбили сквер.

Но что это?

В сквере важно расхаживал красавец лось, а вокруг него беспомощно бегали два милиционера с веревками. Лось чувствовал себя довольно спокойно. С гордым видом ходил он вокруг клумбы, останавливался, срывал верхней губой несколько цветков и вновь отправлялся в «кругосветное путешествие».

— Зачем вы его ловите? Он сам уйдет! — крикнул кто-то из толпы.

— В том-то и дело, что не уходит. Мы уже час с ним здесь мучаемся, — сокрушенно признался милиционер. — Поймать его надо да в лес отправить!

Толпа вокруг росла и уже плотной стеной окружала сквер.

— Да вы с двух сторон заходите! Сбоку лучше, сбоку! Веврку на рога накиньте! — летели советы.

А милиционерам и без советов было худо. Только один из них направлялся навстречу лосю, — тот нагибал голову, прижимал уши и перебирал ногами. Слово показывал: я, мол, в случае чего могу стукнуть!

Второй милиционер попробовал в это время набросить на рога петлю, но лось ловко крутанул головой и увернулся.

Время шло.

Приближалось начало спектакля.

Обеспокоенный администратор театра выбежал из подъезда и умоляюще заговорил:

— Товарищи! Дайте же пройти зрителям! Расступитесь! Пусть этот зверь уйдет. Мы срываем спектакль!

Толпа зашумела.

— Спектакль уже идет! — весело крикнул какой-то молодой парень.

— Граждане! Расступитесь! — поддержал администратора милиционер. — Мы попробуем отогнать лося от театра.

Пока милиционеры разгоняли толпу любопытных, лось медленно поднялся на цветочную клумбу и равнодушно смотрел оттуда на шумящих людей.

Но как только милиционеры и администратор попробовали прогнать его, он принял решительную позу для самозащиты.

— Осторожнее! — крикнул милиционер. — Передних ног бойтесь! Может ударить.

Было уже семь тридцать, когда отчаявшийся администратор предложил свой план:

— Давайте так. Пусть все окружают сквер и постепенно сужают кольцо вокруг лося. Оставьте для него только узкий коридор, а мы погоним!

— Пожалуй, это идея! — согласились в один голос милиционеры.

— Правильно! Давай! — поддержали их из толпы.

— Начинай! — крикнул администратор.

Кольцо стало сужаться.

Но лось вовсе не захотел идти в коридор. Он повернулся мордой к театру и гордо подошел к первой ступеньке. Ступил на нее, потом на вторую и через минуту уже оказался у самых дверей.

— Хватай! Вяжи! — закричал администратор, и в ту же минуту лось, словно испуганный криком, рванул в открытые двери. Зазвенело разбитое стекло. Первую дверь лось миновал, а вторую ему пройти не удалось: рога помешали. Лось застрял.

Здесь милиционеры его и связали. Сначала задние ноги, а затем и передние. Потом остановили первый попавшийся пустой грузовик и с помощью осмелевших добровольцев погрузили лося в кузов.

Администратор с грустью посмотрел на разбитое стекло в дверях театра и пригласил всех имеющих билеты на спектакль. А лось в это время уже двинулся на машине в путь — за город, в родной лес.

ЗАБРАКОВАННЫЙ МИШКА

На киностудии снимали новый фильм. В фильме должна была быть такая сцена. В избу, где спит уставший с дороги человек, залезает медведь. Человек в испуге просыпается. Еще больше пугается, увидев человека, медведя. Он убегает в окно. Вот и все. Пустяковая сцена, на две минуты.

Работникам студии потребовался медведь. Чтобы долго не искать, решили взять мишку из цирка. В городе как раз шла программа, в которой выступал дрессировщик медведей.

Наутро дрессировщик привез на студию самого крупного медведя.

— Вы его не бойтесь, — сказал дрессировщик. — Мой Топтыгин совсем ручной.

В подтверждение его слов медведь добродушно облизал всем руки, охотно съел предложенное пирожное, а обнаружив в одном из залов студии велосипед, ловко прокатился на нем.

— Действительно, артист! — обрадовался режиссер. — Нам именно такой и нужен. Мы его даже без репетиции снимем!

В павильоне студии была построена часть избы — с окном и дверью, с лавкой у стены. В дверь мишка должен был войти, в окно — выскочить.

Настал день съемок. Приготовили аппараты. Артист лег на лавку, притворился спящим. Режиссер дал команду. Включили яркий свет. В приоткрытую дверь избы дрессировщик впустил медведя. И тут произошло неожиданное.

Попав на яркий свет, мишка встал на задние лапы и начал танцевать. Затем он несколько раз перекувырнулся через голову и, довольный, уселся посреди избы.

— Нет! Нет! Отставить! Так не пойдет! — закричал режиссер. — Почему он танцует и кувыркается? Это же дикий медведь!

Смущенный дрессировщик виновато увел медведя за декорации. Все начали сначала. Опять команда. Опять артист растянулся на лавке. Опять включили яркий свет.

Мишка, просунувшись боком в полуоткрытую дверь избы, увидел яркие лучи прожекторов, тут же поднял задние лапы и прошелся «на руках».

— Стоп! Отставить! — закричал раздосадованный режиссер. — Неужели нельзя ему как-нибудь объяснить, что все это не нужно?

Но объяснить мишке было трудно.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПЕЧКА

Зима в тот год выдалась такая суровая, какой в Подмосковье давно никто не помнил. То дожди в декабре и даже январе, а тут прихватил мороз, как в Якутии: день — за тридцать, и второй — под тридцать, и опять — за тридцать. Мороза, конечно.

На улице никого. Люди за воротами и то редко пробегают. Машины — реже. Кого в такой мороз да еще за городом на улицу выгонишь?

Если бы не собака, с которой хочешь не хочешь, надо гулять, я бы и на улицу не вылезал в такие дни. На даче тепло — дрова, печка! А на улице борода к усам примерзает...

Но что делать — приходится.

В одну из таких вынужденных прогулок с собакой послышалось мне на сосне или на ели, они рядом у нас растут, что-то живое. Кто-то вроде бы шевелился, голоса подавал, снег чуть-чуть стряхивал.

«Ясно, показалось, — решил я. — Какая тут живность по такому морозу. Воробья и то не увидишь».

Вернулись мы с собакой домой, она, как все эти дни, от ледышек на лапах освободилась, легла спать.

Ночью вдруг закричала собака. потом чуть заскулила. а когда я включил свет. тихо залаяла

Что случилось?

Пришлось встать Собака вскочила — и в соседнюю комнату, уже с громким лаем.

Включил я свет и там, и вот чудо: на кресле, в пуховом платке, который оставила жена перед отъездом в командировку, а я так и не убрал его, сидят, тесно прижавшись друг к дружке, три крохотных взъерошенных пичуги. Головки желтые, перышки подняты, а сами чуть больше спичечных коробков. Глазки — круглые, испуганные. Как-никак собака рядом крутится.

В тот момент я не понял, что это за птицы, а только увидел, что открыта у нас форточка, в которую они влетели. Отогнал собаку, взял всех троих, похожих на малых птенцов, в руки, отогрел и оставил у себя до потепления.

Собака привыкла к ним. Я привык. Летали они по комнатам, как по улице, но держались все время вместе и спать ложились вместе, тесно прижавшись друг к дружке. В то самое кресло с пуховым платком, который жена оставила...

Отпустил я их, когда на улице чуть потеплело.

А потом уже, через несколько лет, узнал, что есть на свете такие птицы — корольки. Малые, но любящие морозы переносащие. В холод скрываются они в ветках хвои — елей или сосен, прижимаются друг к дружке, перышки встряхивают, и вот вам — коллективная печка! Один замерзнешь, а вместе, коллективно, не пропадешь!

Только в ту зиму, видно, мороз сильнее оказался!

ЗАЙЧИК

Зайчика у нас в поселке знают все.

Да и как не знать лошадь, красивую, подтянутую, почти не стареющую, в поселке рядом со столицей, когда и в Москве и в Подмоскowie лошади сейчас — историческая достопримечательность.

Зайчик — обычная русская лошадка, может быть, что-то взявшая от знаменитой лошади Пржевальского, но шоколадного цвета и с гривой и хвостом совсем светлыми.

На вид Зайчик совсем молод, но я думаю, что ему лет под тридцать, не меньше. Двадцать лет я его знаю, а когда познакомился, он уже не был жеребенком, а работал по-взрослому, всерьез. И возчиков у него за это время сменилось немало, не меньше двадцати...

Летом — с телегой, зимой — с санями Зайчик вывозит мусор и всякий хлам оттуда, куда никакая машина не проберется, и подвозит к любому дому, как бы ни оброс он лесом или садом, аккуратно, не задев ни кустика, не наступив даже на грядку клубники, все, что нужно. Летом, в короткие ночи отдыха, Зайчик пасется на Неясной поляне, как назвал ее один хороший писатель и человек, живущий по соседству.

Бурное развитие техники и особенно автомобилей вовсе не смущает Зайчика. Он уступает дорогу любой машине, даже ушами не вздрогнув, а о собственной судьбе не беспокоится. Все равно он ежедневно делает то, что никакая машина не сделает, подъедет туда, куда и «Запорожец» не пробьется, и вообще жизнь у него налажена, отработана, и ничем, даже цветным телевизором, его не удивить.

Поселок наш большой. Живут в нем, как и всюду, разные люди, и ничем, пожалуй, он не отличается от других мест, кроме как какой-то очень древней, но по-молодому выглядящей церковью, куда по праздникам съезжаются старые люди из Москвы и других соседних мест и иностранцы. Почему иностранцы, живущие в Москве, выбрали именно эту церковь, неизвестно, но в субботу и в воскресенье, а иногда и в другие дни машины разных марок с белыми дипломатическими номерами мчатся мимо нас к игрушечной церквушке.

И Зайчик не раз видел эти машины, как и все мы, а может, даже чаще, поскольку он каждый день при деле, на работе.

Совсем недавно, в один из субботних дней, Зайчик со своим возником дядей Колей возвращался порожняком после какого-то очередного рейса. Позади гремели колокола на церкви, погода была отличная — малый морозец, и дорога несложная. Сани шли хорошо. Так что Зайчик даже трусил рысцой.

На повороте, почти у магазина, Зайчик да и дядя Коля увидели большую черную машину, перегородившую дорогу.

Не знаю, сообразил ли Зайчик, но дядя Коля точно определил: «Мерседес Супер». Номер белый — дипломатический.

У машины стояли двое молодых мужчин и три женщины, одна другой старше, и все вдруг обрадованно бросились к Зайчику и к дяде Коле и наперебой стали что-то говорить на ломаном русском языке.

Зайчик безразлично смотрел на шикарную машину и галдящих людей, а возник дядя Коля, степенно сойдя с саней, пытался разобраться, в чем дело. Явно, машина забарахлила, но при чем тут он? Лошадь машине не помощница!

Наконец понял:

«Иностранцы торопятся в церковь, служба уже началась, а тут что-то с машиной случилось. Видимо, виноват русский мороз. Так пусть, дескать, он, дядя Коля, довезет их до церкви на русских санях. И потом они плохо одеты, чтобы идти пешком. Холодно. За любые деньги пусть довезет! Они умоляют! А машина пусть здесь постоит, потом...»

— Что ж, садитесь, това..., господа, — поправился дядя Коля. — Денег мне никаких не нужно, а так доведу, сделайте одолжение!

Он развернул Зайчика с саями, встряхнул сено на них и пригласил иностранцев:

— Комм! Комм!

В годы войны дядя Коля дошел до Германии и хорошо помнил это немецкое слово, которое всегда значило, мол: «Давай! Торопись! Быстренько!»

Иностранцы обрадовались, с шумом-гамом обежали Зайчика, и даже похлопали его по морде, и завалились в сани.

«Словно на гулянку едут, а не в церковь», — удивился про себя дядя Коля, но, конечно, промолчал и дернул вожжи:

— А ну, Зайчик! Давай!

Зайчик чуть повернул морду назад, встряхнул гривой и не двинулся с места.

— Ты что? Мил-лая!

Зайчик опять взглянул не столько на дядю Колю, сколько на иностранцев, и продолжал стоять.

— Извините, господа-товарищи, но ничего не выйдет, — виновато сказал дядя Коля. — Я бы с великим удовольствием, но лошадка вас не повезет...

— Как? Что? Почему? Что случилось? — зашумели иностранцы на своем и на плохом русском...

— Да ничего не случилось, вы не обижайтесь, — сказал дядя Коля. — Как бы вам это яснее объяснить? Не любит наш Зайчик, то есть лошадь эта конкретная, запаха спиртного. Алкоголя, значит. А от вас, извините, чуть попахивает. А у Зайчика на этот счет тонкий нюх. Он и раньше с тем, кто чуть выпимши, ни шага не сделал. Трех возчиков ему сменили. Я-то вот непьющий, а от вас... Не пойдет он! Так что уж не обессудьте!..

ВОРОН ЭНДЕЛЬ

Есть вороны, о которых я ничего хорошего рассказать не могу, а есть вóроны.

О вóронах рассказывают всякие чудеса и всякие байки. Умный ворон. Мудрый ворон. Храбрый ворон. Это, пожалуй, близко к правде. Ну, а говорящий вóрон, вóрон-вещун, вóрон — предсказатель судеб человеческих и прочее — это уже из баек и сказок, на которые каждый народ мастак.

Я расскажу не байку, не сказку, а то, что видел сам в Эстонии. Об эстонском вороне с человеческим именем Эндель.

Однажды эстонский парнишка, которого зовут Эндель, нашел возле своего дома малого, черного, как смоль, вороненка. То ли из гнезда он выпал, то ли по другой причине попал в беду, но лежал вороненок на асфальте, возле подъезда, и взлететь никак не мог.

Эндель принес вороненка домой, согрел, приютил, и вороненок прижился. И принял Энделя за своего.

Мать скажет:

— Эндель! Ну-ка, на минутку...

Сын тут как тут, и вороненок с ним рядом.

Отец попросит:

— Эндель! Дай-ка мне...

Сын сделает все что нужно, а вороненок тут же. Помочь не может, а на имя Эндель откликается.

Так и пришлось прозвать вороненка.

Сын — Эндель и вороненок — Эндель.

Время шло, сын рос, паспорт получил, и вороненок вырос — превратился в настоящую птицу. Но из дома никуда. Поначалу хотели отпустить его на волю, окно открывали, на улицу выносили, в небо подбрасывали — возвращается крылатый Эндель домой. Однажды зимой даже у двери квартиры оказался, хотя квартира на третьем этаже. Вылетел в форточку погулять, а форточку ветер прихлопнул, так черный Эндель и подъезд дома нашел, и на третий этаж поднялся, и квартиру свою с чужой, соседней, не перепутал.

Привыкли к Энделю. Член семьи — и только. Настолько привыкли, что самого Энделя перестали по имени называть.

Мать говорит:

— Ну-ка, сын, на минутку...

Отец просит:

— Дай-ка мне, сын...

Ну, а к ворону иное обращение:

— Эндель! Где ты там?..

И ворон Эндель тут как тут.

Правда, одна беда была с Эндедем. Очень равнодушен он был ко всяким блестящим вещам. То вилку или нож со стола унесет в соседнюю комнату — к себе. То конфетные бумажки. А то и саму конфету, если обертка красивая. Конфету не съест, а унести унесет и положит в угол, рядом с письменным столом, где постелили ему специальный половичок для сна.

Но и к этому в доме привыкли. Привыкли и к тому, что любит Эндель на кухне о блестящие кастрюли свой клюв почистить, и кран в умывальнике — тук-тук! — проверить, а уж если в ванную комнату попадет, то оттуда его никак не выдворишь. Там и краны блестящие, и трубы душевые, и зеркало в серебряной рамке. Туши свет, иначе не уходит Эндель из ванной.

К празднику подарил отец сыну мотоцикл. Заветная мечта! Какой эстонец без мотоцикла! Недаром в Эстонии почти все парни — мотогонщики. Недаром рядом с Таллином в Пи-

рите проходит лучшая мототрасса. Там и международные мотогонки, и всесоюзные, и республиканские чуть ли не каждую неделю проходят, а в остальные дни любители-спортсмены сами тренируются. Рев мотоциклетных моторов с утра до вечера слышен.

Понравился сыну мотоцикл «Ява»! А Энделю еще больше понравился. Особенно его никелированные части.

Сын на мотоцикл, и Эндель тут как тут. Обойдет его важно со всех сторон, все блестящее проверит, и лишь когда хозяин заведет мотор — отойдет в сторонку. Такой шум и треск ему явно не нравился!

Научился сын гонять на мотоцикле сначала по соседству с домом, потом по улицам Таллина и как-то в субботний день попросил отца:

— Можно мне в Пириту?

Отец на мать посмотрел:

— Как ты?

— Опасно это, сынок. — сказала мать. — Не ровен час, разобьешься...

— Да что ты, мама! Я ж умею да и... Обещаю — осторожно!

— Я бы разрешил, — сказал отец. — Он неплохо ездит...

Отец сам всю жизнь мечтал о мотоцикле, да не привелось. Пусть хоть сын!..

Отправился сын в Пириту. Взревел мотор. Отец с матерью махнули ему на дорогу из открытого окна. Мать, конечно, повздыхала.

Полчаса прошло, а может, чуть больше, как уехал сын, родители вспомнили:

— Кстати, где Эндель?

— В самом деле, где?

Обошли квартиру, все закутки осмотрели, нет нигде вороны.

— Как же мы о нем забыли? — вздохнул отец. — Где ж он был?

— Вот уж старость не радость, — сказала мать. — И я-то хороша: совсем про Энделя не вспомнила. Утром-то мы его с тобой видели, а тут...

Тем временем в Пирите мчался по кольцевой дороге совсем молодой мотоциклист. Шлем, кожанка, мотоцикл «Ява» — казалось, ничего особенного. Ревет мотор, резкие повороты, на стволах сосен вдоль дороги защитные мешки с песком. Все, как обычно. Поворот, еще поворот, лес, берег моря, мост и опять лес. Скорости!

А над мотоциклистом несется птица. Черная, как смоль. Несется, парит, то обгоняя своего хозяина, то отставая.

— Не спеши, Эндель! — кричит мотоциклист на третьем круге. — Устанешь!

И Эндель словно понял его. Спикировал на мост, сел на мачту какой-то яхты и, отдышавшись, стал смотреть не вправо, куда умчался мотоциклист, а влево — в сторону леса. Сейчас... Сейчас... Сейчас...

И вот опять слышен рев мотора. Слева. Из леса. И вот сам — он: мотоцикл и гонщик.

На мосту мотоциклист сбавляет скорость, тормозит, и в ту же минуту Эндель срывается с мачты яхты и плавно садится на руль мотоцикла. Не на полированный, блестящий, а на покрытый резиной край руля.

— Здравствуй, Эндель! — слышит он. — Здравствуй, добрая моя птица!

И Эндель чувствует не запах бензина, а тепло родного ему человека и руку, скинувшую перчатку, которая ложится на его смоляное тело. И так ему хочется что-то сказать этому человеку, да жаль говорить он не умеет.

МИССИС ХАЙТИ

В Кении, довольно далеко от Найроби — столицы этой африканской страны, — пять-шесть часов езды на машине, познакомился я с одним любопытным человеком. Был он настоящий африканец из племени банту, но имя имел английское — Джек. Забавное имя, казалось мне, какое-то мальчишеское, хотя человек он был вполне солидный — за пятьдесят и вида серьезного. И занимался, как я понял, каким-то важным делом: наблюдал за пышным и красивым тропическим парком, лесом, садом — даже не знаю, как назвать эту огромную территорию, где были и лесные заросли и ухоженные джунгли, и степные поляны, и асфальтированные дороги, и посыпанные песком и кирпичной крошкой тропинки, и озера, и речка, и голые, выжженные солнцем высотки. Все было ухожено, чисто по-английски вылизано, подстрижено, песочком посыпано, подметено и снабжено бесчисленными указателями на всех перекрестках.

Джек возил меня по этим своим огромным владениям, все время напоминая, что сейчас они не английские, а кенийские, и сам он находится на государственной службе и потрепанный его «шевроле», покрашенный когда-то под полосатого зверя, намотал сейчас уже километров триста — не меньше.

Поразил меня Джек и красотой своих владений, а еще больше своими вопросами.

— А Москва — это что? — спросил он. И я долго объяснял ему, что такое Москва.

— О, Россию знаю! — наконец понял он и очень обрадовался.

Потом пошли такие вопросы:

— Что такое зима и снег?

— Сколько в России получают денег такие люди, как я?

— Как русские всех победили?

И еще сотни подобных вопросов.

Но вот:

— Есть ли в России животные?

На все вопросы я отвечал обстоятельно, но последний меня смутил, и я начал перечислять все, что пришло на ум: медведи, волки, бобры, верблюды, тюлени... И еще что-то.

— А жирафы? — спросил Джек.

Тут я обрадовался и вспомнил все наши зоопарки, где видел жирафов, даже неудобный ленинградский, и похвалился, что уж кого-кого, а жирафов я знаю, и не только по нашим зоопаркам, а по тем же африканским путешествиям: видел их и в Уганде, и в Сомали, и в Танзании, и тут, у них — в Кении.

— Мою миссис Хайти вы не знаете; — сказал Джек. По-английски это прозвучало так: — Ю донт ноу май миссис Хайти.

— Кто это, миссис Хайти? Жираф? Свой? — спросил я.

— Не он, а она, — поправил меня Джек. — Я же сказал вам: миссис Хайти. Я, конечно, хотел бы вас познакомить. Только она, боюсь, не придет. Не обижайтесь...

— Ее так зовут — Хайти? Высота?

— А как же иначе! Только не Высота, а ласково — Высотка!

Да, конечно, Хайти по-английски — высотка.

«Шевроле» Джека еще немало поколесил по асфальтированным дорогам и песчаным дорожкам заповедника, прежде чем мы переехали по мосту речку, проехали вдоль озера с крокодилами и бегемотами, свернули влево к маленькому, почти крохотному домику — аккуратному, белокирпичному, что стоял на краю леса. Ну, избушка лесника и только, лишь на африканский лад.

Никакую миссис Хайти я не увидел, а по неухоженности в домике понял, что живет Джек один-одинешенек, даже собаки у него нет. Домишко и навес для машины. И все.

Джек сварил кофе, мы сели под ветвями какого-то дерева, похожего на мимозу, и я продолжал отвечать на бесчисленные вопросы Джека:

— Сколько стоит в России бензин?

— Живут ли в России негры?

— Можно ли в России работать, если ты знаешь свое дело, а писать и читать не умеешь?

Я поглядывал по сторонам, все надеясь увидеть обещанную жирафу, и Джек понял:

— Давайте еще по чашечке. Может, миссис Хайти и решится...

Мы выпили еще по чашечке кофе, и еще, когда наконец...

— Иди, иди сюда, миссис Хайти! — оживился Джек. — Не бойся! Это русский, это хороший человек, Хайти!

Из-за зарослей на нас смотрело высокое гордое животное. Большие, настороженные, подвижные, чуть вздрагивающие уши. Рожки между ушами. Блестящие внимательные глаза. И ноги и шея трехметровые, не меньше, а может, и больше. Шаг вперед, и жирафа замерла, еще осторожный шаг, и опять — стоп. Сама осторожности!

— Иди, Хайти! Иди! — звал ее Джек.

Миссис Хайти, косясь на меня, подошла к Джеку и, широко расставив передние ноги, нагнула красивую голову и лизнула Джека в лоб, а потом в щеку. И еще — в другую, и вновь — в лоб, и — по редким волосам.

— Здравствуй, хорошая моя! Здравствуй, милая! — говорил Джек. И добавил мне: — Вы уж простите ее, не сердитесь. Она не знает, что вы русский. А так она ласковая, совсем ласковая.

И рассказал мне Джек действительно необычное.

Оказывается, застрелили недобрые люди на глазах миссис Хайти ее единственного жирафенка. Зверски застрелили.

— Давно это было, до независимости, — объяснил Джек. — Только все равно, как вчера. С тех пор и избегает моя миссис Хайти белых людей. Всех белых за англичан принимает... В общем, друзья мы с ней по несчастью...

— А вы? — не выдержал я. — Что случилось у вас?

— В тот же год и у меня... — сказал Джек. — Жена и двое мальчишек. Насмерть. По дороге шли, да оказались под колесами. Повеселились, в общем, англичане! Молодые ребята были! Да что им, хозяевам! И машину не остановили, хотя весь капот в крови был. Уехали... Так мы и живем с миссис Хайти — одиночками.

А миссис Хайти тем временем вроде бы примирилась с моим присутствием. Еще и еще раз облизала шершавым, с пупырышками, языком Джека и край стола, только от запаха кофе фыркнула, отвернулась. И, как мне показалось, с испу-

гом, с укором посмотрела огромными своими, почти человеческими глазами на меня .

— И все же она признала вас,— говорил мне Джек.— Видите, не отходит. И еду принимает...

Я и в самом деле сорвал несколько листочков с дерева и дал на ладони миссис Хайти, и она осторожно приняла их.

— Вы только не подумайте, что мы с Хайти против англичан. Просто разные люди бывают...

— Да я и не понял вас так,— сказал я. Хотя в душе и соврал чуть-чуть. Видимо, плохо, когда одни люди ставят себя выше других. Вот и англичане, которые в Кении не один десяток лет были хозяевами...

А потом к домику Джека подъехал желтый, на сей раз под песок пустыни покрашенный, «доджик». Выскочил из него черный парень, веселый, молодой, сунул Джеку деньги и какую-то ведомость с фамилиями, и Джек, надев очки, аккуратно поставил в нужной строчке галочку.

Миссис Хайти уже расправила передние ноги и гордо взирала на все происходящее с высоты. Только чихнула раз. Видимо, от запаха бензина или кофе.

— Счастливый парень,— сказал Джек, когда «доджик» отъехал от дома.— Вроде в Россию собирается, учиться. Грамотный! А я вот галочку ставлю, когда деньги за службу получаю. На словах все понимаю — и по-английски и на своем языке,— а расписаться не научился...

СУДАК

Это рассказ не про рыбу, а про летучих мышей. А называется он так потому, что есть на свете такой крымский город Судак, сейчас довольно известный, а до войны, в годы моего детства, маленький, тихий, даже на город не похожий. Мне было десять лет, я был слишком длинным по росту, как заправский второгодник, и очень тощ по весу. Родители отправили меня на лето к своим знакомым — в город Судак. Чтобы я закалялся на море, дышал здоровым крымским воздухом и вообще стал лучше, чем был на самом деле.

Короче говоря, появился в моей жизни город Судак и одна из его окраин — Немецкая слобода. Так звали в то время какую-то деревушку, что стояла рядом с морем и развалинами знаменитой Генуэзской крепости.

И вот летучие мыши. Море, которое я увидел впервые, мне, конечно, понравилось. Можно было купаться, и вообще это хорошо — море. Генуэзская крепость — чудо. Мы, мальчишки,

собирали древние черепки и искали клады, которых не находили, хотя копали суровую крымскую землю глубоко. Прекрасно было и то, что над нашими головами без конца парили планеры из соседнего Коктебеля.

А по вечерам и ночью, по-южному темным, над Судаком и нашей Немецкой слободой метались стаи летучих мышей. Большие стаи, малые и просто в одиночку — летучие мыши. Я что-то слышал о них, знал, хотя живьем никогда не видал. Носится что-то в темноте, выше, ниже, ну и пусть!..

Раз вечером, конечно, тайно от взрослых, мы собрались на важное дело. В соседний сад, за абрикосами. Нас было трое: Колька — местный житель, Варя — очень хорошая девочка из Феодосии, и я, приезжий. Сами по себе абрикосы были не очень важны, но это интересно.

Ровно в десять мы встретились в условленном месте.

Ночь непроглядная. Только звезды в черном небе и лунная дорожка на море. Цикады трещат повсюду — концерт не концерт, но что-то похожее. Все вокруг трещит, звенит и поет!

Забор мы преодолели без труда. Абрикосов набрали в карманы, а Варя в подол юбки, больше, чем следует. И собака нас не облаяла, хотя мы почему-то очень боялись именно собаки. У какого хозяина сада нет собаки!

Все было хорошо. Мы объелись абрикосами так, что я до сих пор их видеть не могу.

Колька, Варя и я, счастливые, как говорится, и довольные. попрощались и пошли по домам.

Правда, возле дома, где я жил, Варя, помню, сказала:

— А у тебя волосы, как сноп мякины.

Дом наш был обычный. Мазанка красивая, под черепичной крышей. С земляным полом, который очень вкусно пах по утрам, и голубыми, синькой покрашенными стенами.

Я задал дурацкий вопрос, потому что Варя мне очень нравилась, а еще потому, что я не знал: «Хорошо это или плохо — мякина?» И вообще, что такое мякина, я не знал.

— Ну, светлые, красивые, — сказала она.

Я был счастлив.

— Пока! — сказал я.

— Пока! — сказала она.

И ушла.

Тут в мою голову что-то шлепнулось, вцепилось в волосы, и я бы закричал, если бы...

Я схватился за голову, стал отдирать от волос что-то живое и теплое, да еще старался не шуметь. Услышат взрослые — тут, дома, где я живу. И так попадет! И этот сад с абрикосами. Еще папа с мамой узнают!..

Поначалу я и не подумал, что это летучая мышь, а боролся с чем-то и, наконец, отодрал вместе с клоком волос крохотное, но очень цепкое и злое живое существо. Отодрал и зажал в руках. Оно больно царапалось и в руках.

Дома меня встретили спокойно.

— А, вечерницу поймал, — сказали.

Вечерница — так, оказалось, называется это существо — птица не птица, мышь не мышь, само меньше воробья, а лапы с цепкими когтями. И в них — клочок моих волос.

Признаться, хотелось мне оставить эту вечерницу у себя, рассмотреть как следует и, может, приручить, но хозяйка дома сказала:

— Отпусти, не мучай! Смотри, как она дрожит! Может, это и наша...

Я отпустил.

И только потом узнал, что на чердаке дома живет целое семейство вечерниц — летучих мышей. Днем висят они под крышей вниз головой, крепко уцепившись коготками за доски. Словно, прилипли. И не перья у них, как у птиц, а мех — красный, или буро-красный, или, может, рыжий.

Каждый день я заглядывал на чердак и тихо, чтобы не разбудить, рассматривал тех вечерниц.

Была ли среди них та, моя, я так и не узнал. И не думаю, что она наказала меня тогда за дурной поступок. Просто увидела светлые волосы и вцепилась.

Сейчас, когда мне рассказывают о городе Судаке, о Генуэзской крепости, о море, я вспоминаю летучих мышей, тот самый вечер и еще слова хозяйки дома:

— Отпусти, не мучай! Смотри, как она дрожит!..

Я знаю теперь, что вечерницы — добрые помощники человека и деревьев. И страшные враги для майских жуков, листоверток, шелкопрядов, гусениц и всех, кто вредит природе.

ЛЮБИТЕЛЬ ФОТОГРАФИИ

Есть в африканской стране Уганде знаменитый заповедник Мерчисон.

Когда мы поехали с моим другом в Мерчисон, он предупредил меня.

— Вы можете фотографировать все что угодно: слонов, бегемотов, крокодилов, диких буйволов, жирафов, — но только не вздумайте снимать носорогов, если, конечно, мы их встретим. Я сам любитель фотографии, но в позапрошлом году попался. Ударил носорог в капот машины так, что мы еле ноги унесли..

Шофер-африканец усиленно кивал, видимо, в знак согласия. Он плохо понимал по-русски.

Долго мы ездили по заповеднику, кого-кого не видели и не фотографировали, а меня все подмывало:

— Где же носороги?

— Посмотрим, — говорил мой друг.

И вот наконец они. Три милых таких серых кочки вдали. В относительной дали — сто метров.

Шофер остановил машину, но сразу же предупредил:

— Сэр, только не выходите! Если выйдете, я уеду. Я с этими тварями второй раз не желаю встречаться...

До носорогов было недалеко. Они лежали блаженные — трое. Три серых кочки. Папа, мама и сын, а может быть, дочка? Лежали в песке. Три огромные головы — две большие, третья чуть меньше, могучие уши и клыки — рога — по два на каждого. Ничего страшного.

— Сэр, не открывайте стекло, — опять сказал шофер, — а то я уеду. Я предупреждаю вас, что ни за что не отвечаю...

Как раз в этот момент самый, видимо, главный носорог-папа встал и на своих старческих ногах медленно направился к нашей машине. Он шел, как огромная такса...

Шофер включил газ, и мы рванулись вперед, но остановились. К удивлению шофера и моего друга, носорог не ринулся за нами, а тоже остановился на дороге и смотрел на нас с некоторым удивлением. Перебирая копытами, дул ноздрями в дорожную пыль и поднимал свои маленькие блестящие глаза в нашу сторону.

Клыки — как бородавки на носу. Одна больше, другая меньше. Но это не бородавки, а клыки!

Отличный носорог!

Никак нельзя упустить такого носорога!

— Сэр! — воскликнул шофер, но было уже поздно: я открыл дверцу машины и пошел назад.

Носорог медленно ковылял навстречу мне. Я — с фотоаппаратом — навстречу ему. Фотоаппарат у меня самый обыкновенный, без всяких телеприставок. Мне надо было снять этого носорога. И он спокойно шел на это. Тихо, мерно переваливаясь на огромных своих лапах, шел навстречу мне. Оставалось сто метров, семьдесят пять...

Я щелкнул, но не попад: за спиной заревела машина, я оглянулся и увидел, что она уезжает. Отъехала и остановилась. Значит, шофер выполнил свое предупреждение.

А носорог тоже остановился, заслышав шум мотора. И вяло смотрел на меня. И только когда я второй раз навел на него

фотоаппарат и щелкнул, медленно развернулся и пошел в сторону — к своему семейству...

— Сэр, — сказал шофер, когда я вернулся в машину, — я прошу у вас прощения. Но, право, эти звери страшны, они уже пробили меня один раз. А этот... Ну, этот, наверное, просто любит фотографироваться...

Когда я вернулся в Москву и проявил пленку, увы, никакого носорога на ней не было.

А получилась наша машина с тыльной стороны. Отлично вышел багажник. И даже номер.

Неужели когда я бежал от носорога к машине, то успел ее сфотографировать?

КОТЕНКИНА МАМА

Осенью жил я в деревне. Маленькой — на сорок дворов.

Хозяйка моя Христина Георгиевна была очень мила, и только в одном я чувствовал смущение — когда она начинала спрашивать меня про животных. То ли ей сказал кто-то, то ли сама она читала мои «животные» рассказы, но ее неожиданные вопросы порой ставили меня в тупик. Начинала она со слонов, которых не видела, переходила к верблюдам, бегемотам, ослам, лошадам, коровам, свиньям, собакам...

И вдруг:

— А вы кошечку эту видели? Ходит у дома и по огороду, сине-голубая, с полосками красивыми. Она родила, всех котят куда-то рассовала. Кошка Третьяковых, а они, известно, всех котят топят. Вот она и ушла от них и бродит по деревне. К Третьяковым не заходит, поверьте, сама видела...

Третьяковых я не знал, но с разной живностью общался: слонами, медведями, крокодилами...

— Что нужно делать? — спросил я Христину Георгиевну.

— А что делать! Ясно, что делать! — сказала Христина Георгиевна. — Вот вы тут сидите, что-то пишете, вы свободный человек. Надо поискать, куда она прячет котят. Пока вам делать нечего — вы поищите, а я с работы вернусь, тоже буду искать. Я уже и сегодня утром на зорьке встала, козу в стадо выгнала и все смотрела... Не нашла...

Признаюсь, я не очень люблю кошек. Но эта — я ее видел, и много раз — мне чем-то нравилась. Она бродила у дома, появлялась на огороде, а то и на дороге — всегда свехосторожная и, правда, симпатичная. Шерсть, конечно, не голубая, а серая, но с голубизной и с бурьми полосками от головы и по бокам вплоть до хвоста. Увы, хвост был длинноват, но все остальное — красиво.

Бросив работу после разговора с Христиной Георгиевной, я вышел на улицу. Кошки не нашел. Полчаса прошло, и час, наверное, я вернулся домой. Взял книгу — работать уже не мог.

И тут слышу, кто-то появился в сенях.

Посмотрю: может, она — эта самая кошка?

Я открыл дверь.

Действительно, она. По представлениям Христины Георгиевны, «сине-голубая, с полосками красивыми». По моим, — вовсе не голубая, а серая с голубишной и с бурьми полосками от головы и бокам вплоть до хвоста. Слишком длинного хвоста! Но — она.

— Что ты хочешь? — спросил я ее самым ласковым голосом. — Может, поесть?

Она замаякала, но в комнату за мной не пошла.

Тогда я пошел за нею.

Кошка привела меня в деревянной сарай, где...

Дрова — березовые, сосновые, осиновые — лежали в полном порядке.

А под ними лежал котенок. Вовсе не похожий на свою маму — камышового цвета и совсем не маленький. Он бросился к маме навстречу и стал лизать ее: голову, бока, а потом лапы. И мама облизывала котенка, все время поглядывая на меня: не уйду ли я? А вдруг я — Третьяков?

Что делать?

Я не люблю кошек, но и не люблю, когда топят котят.

Эта кошка спасла от Третьяковых единственного котенка. Этого нельзя было бросить.

Но что думает мама-кошка?

Я взял котенка на руки, и мама позволила мне это сделать. Я вынес котенка из деревянного сарая, и мама пошла за мной. Я внес котенка в дом, но тут мама остановилась за мной на пороге.

Я просил ее, умолял даже:

— Ну, иди! Чего ты боишься?

Она не шла.

Так и осталась на улице.

Котенка я напоил молоком, а когда вечером пришла с работы Христина Георгиевна, она еще и манную кашу ему сварила. Он чувствовал себя отлично и маму-кошку не вспоминал.

А наутро я увидел на пороге дома задушенную мышь. Во второй половине дня — еще двух мышей. К вечеру — еще одну.

— Это она! — объяснила мне Христина Георгиевна. — Вот вы и я тоже — не Третьяковы. Так она оценила...

Котенок, вовсе не вспоминаявший о маме-кошке, резвился в доме и доставлял нам с Христиной Георгиевной радость, хотя и отрывал меня от работы.

А котенкина мать каждый день приносила своему сыну пойманных мышей и скромно клала их на пороге чужого дома. Чужого дома, но не дома Третьяковых, где она жила раньше.

ПИРАМИДЫ И ВЕРБЛЮДЫ

Все, кто приезжает в Египет, знают, что в нем есть пирамиды.

Американцы, англичане, французы, да и жители других стран и мы, русские, знаем, что такое пирамиды и для чего они были построены.

Не у всех в детстве по истории была «пятерка»! Важно, что это Египет, а значит, и пирамиды. Надо смотреть пирамиды. Обязательно! Иначе дома, когда вернешься, что скажут?

И я так думал. Как же без пирамид?

Их много. Самые главные из них — пирамиды Хеопса, Хефрена, Джосера и Снофру — находятся на окраине Каира. Там, как мне говорили, даже представление ежедневное бывает по вечерам. Название — «Свет и звук». Представление на английском, французском и немецком языках.

Но дни шли, а вырваться к пирамидам мне никак не удавалось. Дела мешали.

Наконец вырвался, но днем, а не вечером, когда идет «Свет и звук».

Ладно! Что поделаешь! Хотя бы пирамиды посмотрю! А то в Москве не поверят, что был в Египте.

Мы с товарищем моим поехали к пирамидам. Поехали на нашем «козлике-газике».

— Мой «плимут», будь он проклят, вторую неделю барахлит, — сказал мне товарищ. — А этот «козел» нас довезет. А забарахлит, так с ним и справиться легко...

В диком потоке каирского автомобильного движения мы вырвались наконец-то на приличную широкую улицу. Особняки — справа и слева. Рестораны — слева и справа.

Тут живет такой-то, а тут — такой-то. Этот особняк — министра, этот...

Меня эти детали не интересуют: кто, где и как живет. Даже у себя дома...

И опять ночной ресторан.

— Вчера мы с тобой здесь были, — говорит мой товарищ.

— Были, верно! А где пирамиды?

— Вот они, пирамиды! — сказал мой товарищ.

Слева действительно были видны пирамиды.

Вот это главное.

Мы свернули с дороги куда-то влево и поехали вдоль канала — не самого чистого как внешне, так и по запахам, и нас сразу же остановили.

Остановил верблюд — гордый, невозмутимый красавец, который смело шел на нашу машину. Верблюд был как верблюд, но несколько театральный. Какие-то украшения на морде, и слишком красивое седло в разных красках на спине, где качается чахлый горб.

Судя по всему, верблуду было безразлично смотреть на машину, на которой мы приехали, на меня и на моего товарища. Он даже не плевался. Он был выше этого. Но он знал службу и просто лег рядом с нашей машиной, подставив мне седло: мол, залезай!

Товарищ мой, объяснившись с хозяином верблюда — старым арабом, отогнал машину на стоянку, вернулся и сказал:

— Не садись. Пошли пешком.

Верблюд встал и пошел за нами, даже лизнул меня в голову. Хозяин верблюда о чем-то говорил с моим товарищем, но он повторил мне:

— Пошли!

И мы пошли куда-то вверх. Там, кажется, были пирамиды. Очертания их я уже видел.

Но стоило нам пройти двадцать шагов, как навстречу появился такой же раскрашенный верблюд — опять гордый и торжественный, — рядом с ним мальчик, который что-то предлагал нам...

Еще двадцать шагов по асфальту вверх, и уже три верблюда и три хозяина — два взрослых и юноша — бросаются к нам. Верблуды, при всей своей невозмутимой гордости, как по команде, ложатся на землю и подставляют мне и моему товарищу свои седла...

Но и тут мы отбились.

Чуть выше. Еще, еще выше...

— Вот пирамида Хеопса, — говорит мне товарищ, но...

Я вижу издали огромную пирамиду, но вижу и другое.

Еще три верблюда с красивыми яркими попонами и седлами бросаются к нам.

Меня многое начинает смущать: «Где же твоя гордость, верблюд? Ты самое благородное и доброе животное! Но, увы, нет у тебя никакой гордости! Ах! Поучился бы у своих хозяев!»

— Мистер! Сэр! Товарищ! — кричат нам хозяева верблудов — от старых до молодых.

И все наперебой. И все хлопают своих верблюдов, и они ложатся на асфальт, подставляя мне свою спину. Жаль бедных верблюдов. И, признаюсь, стыдно.

Но что-то надо делать.

— Ничего не поделаешь, — сказал мой товарищ, — придется сесть.

Мы взгромоздились с ним на двух верблюдов. И куда-то поехали. Сначала, кажется, к пирамиде Хеопса, а может быть, и к другой пирамиде — Хефрена, или Снофру, или Джосера.

Не помню, к какой.

Где-то мы даже фотографировались.

Часть этих снимков сохранилась. И у меня и у моего товарища по Египту.

Но когда меня сейчас спрашивают об этой поездке и о пирамидах: где какая, я ничего не могу сказать. Пирамида Хеопса и пирамида Снофру, пирамида Джосера и пирамида Хефрена — все у меня перепуталось.

А вот верблюдов рядом с этими пирамидами вспоминаю.

ПОЛОСАТАЯ КИСА

Историю про полосатую кису я узнал в пионерском лагере на реке Уссуре.

Встретил я в этом лагере девочку. Девочка как девочка: с косичками и галстуком. Одно было удивительно: звали ее необычно — Полосатая киса.

«Почему, — думаю, — полосатая? Кофточка у нее не полосатая. Видно, дело не в этом».

И верно. Слышу, что некоторые ребята еще проще зовут девочку:

— Киса! Киса!

И девочка не обижается.

Решил узнать у нее самой. Спросил.

А девочка засмушалась, покраснела.

— Да так, — говорит, — это они просто шутят...

— А как же тебя на самом деле зовут?

— Лена, — говорит.

Чувствую, что Лена не хочет рассказать, в чем дело. Я решил не смущать ее вопросами.

Спросил у вожатой.

Вожатая рассмеялась.

— Ну и чудачка! — говорит. — Это просто смешная история. В позапрошлом году, когда Лена еще только окончила первый класс, она здесь у нас, в тайге, тигренка нашла. На-

шла и в лагерь принесла на руках. Вот, мол, какая смешная полосатая киса! Мы перепугались тогда. Думали, что тигрица вслед за малышом в лагерь нагрянет. Но все обошлось благополучно. Видно, тигренок отстал от матери, а может, и погибла его мать. Славный он был, очень маленький, ласковый. Вот Лена и приняла его за полосатую кошку. Выкормили мы его из бутылки, а потом в зверинец передали, когда подрос. С тех пор и зовут наши ребята Лену Полосатой кисой.

Вот и вся история.

Ну, а Лена теперь, конечно, уже выросла и ни за что не перепутает тигренка с кошкой.

СЛОНОВЬЯ ПАМЯТЬ

— А сейчас я покажу вам Шанго. Ему сорок лет. Двадцать лет он провел в нашем зоопарке. В годы войны был эвакуирован. Потом вернулся. Между прочим, очень умный слон...

Директор зоопарка Иван Акимович открыл дверь. Мы вышли из зимнего помещения на летнюю площадку и оказались внутри ограды, где находился Шанго. Большой слон стоял возле водоема и тер голову об ограду.

Услышав наши голоса, Шанго повернул голову в нашу сторону и постучал концом хобота по земле. Огромные потертые уши слона насторожились. Двухрядная кисточка хвоста заходила из стороны в сторону. Шанго тяжело вздохнул. Видимо, он был чем-то недоволен.

— Да вы не бойтесь, подойдите к нему, — сказал Иван Акимович, продолжая оставаться в дверях. — Это он на меня...

— А вы?

— Мне никак нельзя, — признался директор, — он убьет меня.

Я опешил.

«Ничего себе, — думаю, — если этот Шанго убьет своего хозяина, директора, то что же он сделает со мной?»

И все же мне никак не хотелось показать, что я струсил. Я подошел к слону и протянул ему яблоко. Шанго осторожно взял его хоботом и отправил в пасть.

Я порылся в карманах, но ничего не обнаружил, кроме нескольких мелких монет. Не успел я спрятать монеты, как Шанго потянулся к моей ладони.

— Нет, монету не дам, — сказал я, — еще подавишься.

Словно поняв меня, Шанго закачал головой и, отойдя чуть в сторону, провел хоботом по песку. Там уже лежало с десяток блестящих монет и пуговиц.

— Это его озорники приучили, — объяснил мне потом Иван Акимович. — Знаете, всякие посетители попадаются. Есть и такие. Бросают ему пуговицы да монеты. А Шанго не дурак. Собирает их и складывает у себя за оградой. Мол, не бросайте!

— А почему же Шанго вас так не любит? — поинтересовался я.

— Ну, что было! — сказал Иван Акимович. — Когда к нам привезли Шанго, он был молодым, неприрученным слоном. И вот в первую же ночь он сломал дверь слоновника, вырвался на волю, а потом разнес ворота зоопарка и побежал по улицам города. Я тогда как раз дежурил в парке и помчался вдогонку. Взял первую попавшуюся лошадь, железную палку с острым наконечником. Перепугался, конечно. Представляете, что может наделать дикий разъяренный слон на улицах города! Догнал я Шанго почти в центре, когда за ним гнались и милиция и пожарные. Бросил я палку с наконечником в слона. Она попала ему в ногу. Шанго споткнулся, упал. Потом вскочил и с испуга в ворота дома забежал. Тут мы общими усилиями и связали слона. Ну, доставили мы его обратно в зоопарк, промыли ранку на ноге. Она была, конечно, несерьезная. И вот подумайте только — уже двадцать лет прошло. Шанго привык к зоопарку, к посетителям. Ничего не скажешь! Очень добрый слон, никогда никого не обидит. Но меня к себе даже близко не подпускает. Я подошел однажды, так после того в больнице пришлось полежать. Вот как меня он «приласкал». Значит, помнит, что я ему когда-то боль причинил. Неплохая у слона память.

СЛОЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутя его называли звероводом. Это потому, что по профессии он зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну, а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш зверовод своей военной профессией. И, верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего зверовода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

— Вы были до войны зоотехником? — с ходу спросил он.
— Так точно!
— И работали в зверосовхозе?
— Так точно. Выращивал соболей и серебристых лисиц.
— Отлично! — сказал командир. — Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он вас ждет.

Ничего не понимая, зверовод спросил:

— А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

— Там узнаете, — сказал майор, сдерживая улыбку. — Торопитесь!

Прибыл зверовод к коменданту города — молодому подполковнику. Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

— Очень хорошо. Есть сложное поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уже дня четыре не кормили. И еще одно, самое сложное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь...

— Но, простите! — взмолился зверовод. — Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда...

— Я до войны тоже никогда не был комендантом города, — перебил его подполковник. — Музыка преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И в случае чего, беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять! Явился зверовод на место новой службы и ужаснулся. Хотя и небольшой зверинец, а хлопот в нем полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы — все режут и галдят наперебой: еду просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут еще бегемот! Плавает, бедняга, в воде, вздымая волны, и от боли орет так, что хоть уши затыкай.

Принялся зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, подтащили его к решетке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить ее йодом да наложить швы. Рана не очень серьезная, а кожа у бегемота толстая — заживет!

Пока часть солдат возилась с бегемотом, другая лобила разбежавшихся животных да корм для них доставала. Приблизился вечер. Насытившиеся звери немного успокоились. Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

— Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? — попросил он.

— Нет! Так дело не пойдет, — сказал комендант. — Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдем сведущих в «зверином» деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

— Да понимаете, — взмолился зверовод, — стыдно мне! Этот бегемот за мной неотступно ходит, ну как поросенок какой. Ребята смеются. Ведь я разведчик все же, а тут — бегемот...

— Ничего! — улыбнулся комендант. — Придется потерпеть! Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего зверовода. А догнал он нас лишь через две недели возле Эльбы.

Первым делом явился к коменданту дивизиона:

— Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

— Благодарю за службу! — весело сказал командир.

— Служу Советскому Союзу! — ответил наш товарищ.

ХИТРЫЙ СИМПАТЯГА

Когда я был на Дальнем Востоке, то долго думал, что бы поинтереснее привезти оттуда в подарок своим ребятам. Тигра, пожалуй, не довезешь, мишку — тоже, ну, а кита — и подавно.

— А вы бурундучка отвезите, — подсказали мне охотники. — Мы его мигом словим. Он безобидный, симпатичный, в дороге удобный.

Достали они мне бурундучка. Маленький — меньше белки, рыжеватый, с черными полосами на спине и хвосте. На мордочке большие любопытные глаза и такие же любопытные уши. В общем, не зверь, а симпатяга. Так я его и назвал.

Приготовили Симпатяге небольшой ящичек с дырками, насыпали туда немного зерна и ягод. Только на дорогу!

Я взял ящичек и поехал на аэродром. На «Ту-104» до Москвы одиннадцать часов полета. Погода хорошая. Доберусь!

В самолете Симпатяга вел себя настолько спокойно, что мои соседи даже не обратили внимания на незнакомого пассажира. Взрели моторы, и наша машина поднялась за облака. Теперь совсем хорошо: никто не услышит, как шевелится Симпатяга.

А Симпатяга шевелился, подставлял свою мордочку к дыркам ящичка, пыхтел. Видно, очень ему было любопытно посмотреть, где он находится.

Прошло несколько часов полета, и мы — в Иркутске. Посадка, опять взлет, и вскоре — Новосибирск. А от Новосибирска до Москвы — рукой подать!

Вот уже самолет наш идет на посадку. Я прислушиваюсь. Симпатяга что-то замолк. Только что грыз зерно, поминутно подбегал к дыркам — и вдруг все тихо.

Вышли мы из самолета. Я сразу же приоткрыл ящик — хотел посмотреть, что случилось, но не тут-то было. Не успел я опомниться, как мой Симпатьяга уже бежал по бетонному полю аэродрома в сторону леса. Да так бежал, что, наверно, на машине его не догонишь — не только пешком. Через минуту и хвоста его не было видно.

— Вот вам наказание за провоз незаконных пассажиров! — пошутил один из летчиков.

— Да! Обидно. Перехитрил меня Симпатьяга, — сказал я. — Доставил его бесплатно из Владивостока в Москву, а он удрал!

Прошел месяц. Как-то в выходной день поехали мы с дочкой в лес. Он как раз неподалеку от аэродрома находился.

Ходим по лесу, грибы собираем.

Вдруг дочка как закричит:

— Папа! Папа! Смотри, зверек!

Я подбежал. Гляжу — своим глазам не верю: сидит на суку мой Симпатьяга. Сидит и на нас хитро так поглядывает.

— Это белочка, — говорит дочка. — Только почему-то очень смешная: полосатая вся.

Ну, я уж не стал огорчать ее — рассказывать, как сбежал мой дальневосточный подарок. А про себя подумал: «Определенно это мой! Иначе, откуда же появился бурундук в Подмосковье!»

СОДЕРЖАНИЕ

Пчелиная напасть	3
Давид и Катя	4
Странный ослик	6
Желтопузик	8
Топкин портрет	9
Кто как радио слушает	10
Благородные яки	12
Простуженный ежик	15
Козел-регулировщик	16
Пугачи	17
Дикие слоны	18
Сила привычки	20
Необычный почтальон	21
Лось в театре	22
Забракованный мишка	24
Коллективная печка	25
Зайчик	26
Ворон Эндель	28
Миссис Хайти	31
Судак	34
Любитель фотографии	36
Котенкина мама	38
Пирамиды и верблюды	40
Полосатая киса	42
Слоновья память	43
Сложное поручение	44
Хитрый Симпатыга	46

Сергей Баруздин

РАСКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Редактор -- Ю. С. Новиков.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 15/VI 1976 г. А 00689. Подписано к печати 26/VII 1976 г.
Формат 70×108^{1/32}. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,83 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 2001. Заказ № 2450. Цена 6 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

